

Конвенция 1972 г. о биологическом оружии. Точка зрения Юга

**Ахилл Залуар
Роки Монтелеоне-Нето¹**

Прежде чем мы будем говорить о самой Конвенции о биологическом оружии 1972 г. (КБТО), следует заметить, что любое мнение относительно этого договора, высказанное с точки зрения Юга, может отражать лишь часть общей картины, то есть быть одним из множества возможных. Развивающиеся и неприсоединившиеся страны могут иметь разные, и в равной степени законные, интересы и ожидания, связанные с каким-либо конкретным международным документом. Фактически это разнообразие мнений само по себе является одной из определяющих характеристик Юга — этим термином мы пользуемся для определения развивающихся стран, которых характеризует основная общая черта — неприсоединение, и по отношению к какой-либо сильной державе, и по отношению к друг другу.

Что касается сферы разоружения, разные позиции различных блоков развивающихся стран² представляют собой серию попыток выработать общий подход к решению ряда вопросов. Такие попытки сами являются результатом переговорного процесса, подчас трудного, но необходимого, если страны Юга не хотят, чтобы их отодвинули в сторону великие державы и более сплоченные альянсы стран Севера. Не следует смешивать общие принципы, о которых говорят лидеры групп, зачастую красноречиво и с дальним прицелом, с тем, что

¹ **Ахилл Залуар**, профессиональный дипломат, сотрудник министерства внешних сношений Бразилии, участвовал в составе бразильской делегации в работе Специальной конференции по Конвенции о биологическом оружии 1994 г. и в первом заседании Специальной группы.

Роки Монтелеоне-Нето, доцент факультета генетики Федерального университета Сан-Паулу, Бразилия, в настоящее время работает в составе Специальной комиссии ООН по Ираку в Нью-Йорке. В прошлом в составе бразильской делегации участвовал в различных конференциях, посвященных вопросам Конвенции о биологическом оружии.

В данной статье отражены личные взгляды авторов, не обязательно совпадающие с позицией правительства Бразилии или Специальной комиссии ООН по Ираку.

Статья написана на английском языке.

² Группа 21 (в действительности насчитывающая 28 участников) на Женевской конференции по разоружению; совещание представителей Движения неприсоединившихся стран на Генеральной Ассамблее ООН; различные объединения неприсоединившихся и развивающихся стран, возникающие в связи с многосторонними договорами, такими как КБТО и Договор о нераспространении ядерного оружия.

может значить какой-либо конкретный договор для той или иной развивающейся страны.

Тем не менее мы попытаемся определить здесь ряд положений, общих для точек (именно точек) зрения стран Юга на КБТО. Необходимо понимать, что эти общие положения являются одной из первых попыток объединения и должны рассматриваться в контексте обстановки, связанной с безопасностью каждой страны, ее дипломатической традицией и позицией по отношению к остальному миру. Поэтому мы считаем, что наши выводы уместно будет представить в виде ряда общих положений или тезисов, которые затем будут дополняться, а в отдельных случаях даже исправляться последующим комментарием.

Тезис 1. Вопросы биологического разоружения не представляют интереса для развивающихся стран

По всей очевидности, это положение является результатом в целом сдержанного отношения развивающихся стран к проблеме биологического разоружения по сравнению, например, с традиционным острым интересом, проявляемым Движением неприсоединившихся стран и Группой 21 к ядерному оружию. В Заключительном документе 11-й Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, которая проходила в 1995 г. в Картахене (Колумбия), 16 пунктов посвящены вопросам ядерного оружия, и лишь один — КБТО¹.

Число государств, подписавших КБТО, возросло незначительно (с 125 в 1992 г. до 138 в 1996 г., когда состоялась 4-я Конференция по рассмотрению действия Конвенции), за тот же период, прошедший после окончания холодной войны, число государств — участников Договора о нераспространении ядерного оружия, после присоединения к нему Китая и Франции, приблизилось к числу стран — членов ООН. Около 18 стран, из числа подписавших КБТО, причем все они — развивающиеся страны, не ратифицировали ее². Еще большее беспокойство вызывает тот факт, что Ближний Восток, где некоторые наиболее крупные в регионе державы предпочитают не участвовать в Конвенции, представляет собой значительную географическую область, на которой Конвенция не действует.

Более того, число государств-участников создает впечатление, что развивающиеся страны принимают гораздо большее участие в решении вопросов, связанных с КБТО, нежели это происходит на самом деле. Из 65 стран, присутствовавших на заседании Подготовительного комитета 4-й Конференции по рассмотрению действия Конвенции в апреле 1996 г., только 31 государство представляло страны Юга. Из 77 стран, принимавших непосредственное участие в Конференции, было лишь 35 развивающихся стран³, причем возможно, что некоторые из них направили делегатов лишь для того, чтобы получить до-

¹ Non-Aligned Movement, «Cartagena 95 — Basic Documents». Colombia, 1995, pp. 61–69.

² United Nations, «List of States Parties to the BWC as of 25 November 1996», BWC/CONF.IV/INF.2, background document of the Fourth Review Conference, Geneva, 1996.

³ United Nations, «Fourth Review Conference of the Parties to the BWC — Final Document», BWC/CONF.IV/9, Geneva, 1996, pp. 8–10.

кументы. Практически все отсутствовавшие страны представляли Юг. Еще малочисленное представительство развивающихся стран в ВЕРЕКС (1992–1994 г., создана по решению 3-й Конференции по рассмотрению действия Конвенции) и в Специальной группе (с 1995 г. по настоящее время, создана по решению Специальной конференции 1994 г.), где осуществлялась большая часть работы по выработке режима КБТО. Лишь семь государств из 33 стран, направивших экспертов на последнее заседание Специальной группы в сентябре 1996 г., представляли Юг.

Что касается участия в добровольно принимаемых мерах по укреплению доверия, определенных на 2-й и 3-й Конференциях по рассмотрению действия Конвенции, то число стран, участвующих в этом начинании, увеличилось в 1995 г. с 42 до 51, но из 70 стран, которые хотя бы один раз предприняли действия в рамках этих мер (например, заполнив форму «декларировать нечего»), Азию, Африку и Латинскую Америку представляли только 35 государств. Крупные развивающиеся страны никогда не представляли информацию в соответствии с мерами по укреплению доверия¹. Таким образом, нет ничего удивительного в следующем заключении: «Многие из небольших государств убеждены, что Конвенция о биологическом оружии не имеет к ним никакого отношения, и полностью игнорируют меры по укреплению доверия, предпочитая не направлять дефицитные людские ресурсы на то, что они считают не имеющим к ним отношения»². Следовательно, можно утверждать, что Конвенция о биологическом оружии обладает сомнительной честью принадлежать к тем немногим конвенциям, государства-участники которых составляют имеющий значение для всего мира многосторонний форум, где развивающиеся страны — действительно по доброй воле — составляют меньшинство.

Однако не следует думать, что развивающиеся страны вовсе отсутствуют, когда обсуждаются вопросы Конвенции о биологическом оружии. Бразилия, Индия, Иран, Китай, Куба, Чили и Южная Африка, а также подписавший Конвенцию Египет представляли на рассмотрение Специальной группы и 4-й Конференции по рассмотрению действия Конвенции свои проекты и предложения.

Два важных положения в мандате Специальной группы были записаны непосредственно в результате инициативы, проявленной развивающимися странами на Специальной конференции 1994 г. Одно из них — включение, в качестве пункта 4 мандата Специальной группы, положения о «специальных мерах, призванных обеспечить эффективное и в полном объеме выполнение статьи 10», касающейся обмена технологиями и международного сотрудничества в мирных целях. Второе, не менее важное, — введение термина «недискриминационный»

¹ I. Hunger. Article V: Confidence Building Measures. — G. Pearson, M. Dando (eds.). Strengthening the BWC: Key Points for the Fourth Review Conference, Geneva, 1996, pp. 78–79. См. также United Nations, «Background Information on the Participation of States Parties in the Agreed Confidence-building Measures (1992–1996)», BWC/CONF.IV/INF.2, background document of the Fourth Review Conference, Geneva, 1996.

² A. Duncan, R. J. Matthews. Development of a Verification Protocol for the BWC. — J. B. Poole and R. Guthrie (eds.). Verification 1996 — Arms Control, Peacekeeping and the Environment. Westview Press/VERTIC, Boulder, USA, 1996, p.167.

в пункт 3, имеющий отношение к «мерам по обеспечению соблюдения Конвенции», или, как предпочли бы некоторые, мерам контроля¹.

Участие развивающихся стран в деятельности по осуществлению режима Конвенции, конечно, возрастет в будущем, особенно если работа Специальной группы, благодаря тому, что в 1997 г. она перешла к переговорам, будет настолько успешной, что появится перспектива подписания протокола о соблюдении. Режим соблюдения будет иметь важные последствия как в финансовом отношении, так и с точки зрения безопасности, и можно ожидать, что в соответствии с этим внимание министерств иностранных дел развивающихся стран к вопросам, связанным с КБТО, возрастет. Более того, включение статьи 10 и других мер, требующих совместных действий, в режим соблюдения Конвенции будет способствовать вовлечению в работу органов государственной власти, без активного содействия которых режим просто не осуществим.

Тезис 2. Биологическое разоружение не имеет большого значения для развивающихся стран

Возможно, целесообразно начать с доказательства неверности обратного утверждения, а именно, утверждения о том, что даже если не все развивающиеся страны придают большое значение Конвенции о биологическом оружии, позиция развивающихся стран в целом, несомненно, важна для эффективности этой Конвенции, даже в большей степени, нежели для действенности Договора о нераспространении ядерного оружия.

Сравнивая эти две области, можно с уверенностью утверждать, что разработка ядерного оружия остается сложным предприятием, требующим больших затрат, владения технологией, приобретения специальных материалов (высокообогащенного урана и (или) плутония), а также кропотливой работы в течение ряда лет. Хотя это и не является невозможным для развивающейся страны, обладающей промышленным потенциалом (как показала программа разработки ядерного оружия в ЮАР, ныне несуществующая), сочетание вышеперечисленных требований и необходимость избежать контроля Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), делает идею ядерного вооружения неосуществимой практически для всех, за редким исключением, стран. Более того, ослабление роли ядерного оружия в нынешних условиях (свидетельством тому может являться недавнее военное поражение одной из держав, владеющей ядерным оружием) скорее всего приведет к тому, что практически все страны, стремящиеся к усилению своей военной мощи, предпочтут обычные виды вооружения ядерным.

Разницу между выбором ядерного или биологического оружия можно проиллюстрировать на примере Ирака². Хотя Ирак и затратил большие средства на разработку своей секретной ядерной программы, получая к тому же серьез-

¹ United Nations, «Special Conference of the States Parties to the BWC — Final Report», BWC/SPCONF/1, Geneva, 1994.

² United Nations, «Second Consolidated Report of the Director of the IAEA under Paragraph 16 of Resolution 1051 (1996)», S/1996/833, New York, 1996, p. 11.

ные консультации в области технологии и оборудование из-за рубежа, к началу войны в Персидском заливе он не произвел даже опытного образца ядерной боеголовки. И несмотря на то, что отдельные моменты по-прежнему требуют дальнейшего выяснения и контроля, МАГАТЭ оказалось в состоянии обеспечить эффективный надзор за нейтрализацией иракской программы, в том числе и благодаря уничтожению запасов специальных материалов, и засвидетельствовав факт демонтажа промышленной инфраструктуры, необходимой для их производства.

Для сравнения, Ирак (который на тот момент подписал, но не ратифицировал КБТО) смог, затратив меньше средств, разработать «секретную наступательную биологическую программу», предполагающую «крупномасштабное производство биологических агентов, используемых в военных целях, снаряжение ББС и развертывание ракетных боеголовок и авиационных бомб, а также значительного объема биологические исследования в области разработки биологического оружия»¹. Более того, контроль за уничтожением запасов биологических агентов и инфраструктуры оказался столь трудным, что до настоящего времени Специальная комиссия ООН, занимающаяся вопросами уничтожения иракского оружия массового поражения, не в состоянии с уверенностью заявить миру о том, что «подобного оружия, а также его компонентов не осталось в наличии»².

С другой стороны, в настоящее время новые открытия и достижения биотехнологии «делают возможным разработку и массовое производство агентов и токсинов, обладающих большей поражающей силой и более удобных для хранения и оснащения вооружения»³. В числе последних технологических достижений можно назвать разработку метода более легкого выявления факторов вирулентности, техники генетического манипулирования, более дешевых установок для массового производства агентов и токсинов и методов стабилизации агентов для их распространения при помощи аэрозолей⁴. Многие страны, а также некоторые группировки, базирующиеся на территории отдельных стран, такие как повстанческие и террористические движения, могут завладеть наступательным биологическим оружием.

Это вполне возможно в случае появления новых инфекционных заболеваний, так как обладание неизвестным для противника агентом дает реальное преимущество в военном отношении. Это хорошо осознавал Соко Асахара, глава секты «Аум Синрикё», а также 40 его последователей, отправившихся в Заир, чтобы «помочь больным лихорадкой Эбола». Согласно докладу Постоянного

¹ United Nations, «Report of the Secretary-General on the Status of the Implementation of the Special Commission's Plan for the Ongoing Monitoring and Verification of Iraq's Compliance with Relevant Parts of Section C of SC Resolution 687 (1991)», S/1995/864, New York, 1995, p. 33.

² United Nations, «Report of the Secretary-General on the Activities of the Special Commission Established by the Secretary-General Pursuant to Paragraph 9 (b)(i) of resolution 687 (1991)», S/1996/848, New York, 1996, p. 23.

³ C. S. Duarte. The Brazilian Approach to Strengthening the BWC: Promoting Cooperation and Securing Compliance, Non-published Paper Presented at the Arms Control Conference of the Southern Methodist University, Dallas, 1995, p. 5.

⁴ United Nations, «Background Paper on New Scientific and Technological Developments Relevant to the BWC — Document by Sweden», BWC/CONF/4/Add. 1, Geneva, 1996, pp. 2–6.

подкомитета по расследованиям сената США от 31 октября 1995 г., настоящей целью группы было заполучить образцы вируса Эбола, с тем чтобы использовать этот новый вид инфекции в качестве биологического оружия огромной поражающей силы¹.

Хорошо известно, что естественные источники новых биологических агентов находятся в южных районах, которые характеризуются исключительным биологическим многообразием, например в тропических лесах, распространенных в основном в Индо-Малайской подобласти Юго-Восточной Азии, Центральной и Западной Африке и тропиках Латинской Америки. Поразительно, но самые недавние и серьезные случаи возникновения вирусных заболеваний, таких как лихорадка Эбола, лихорадка Ласса, лихорадка долины Рифта, лихорадка денге, хантавирусы и заболевания, вызванные вирусами Росио, Гуанарито и Сабиа, были зарегистрированы именно в этих регионах.

Помимо насущной потребности в гуманитарной помощи и международном сотрудничестве, в подобных случаях возникают также очевидные проблемы безопасности и встает вопрос о том, как предупредить использование новых видов инфекционных заболеваний в качестве биологического оружия.

Однако распространение биотехнологии невозможно сдерживать, так как, во-первых, ее методами достаточно легко овладеть на местном уровне, имея минимальные ресурсы, и, во-вторых, они необходимы для здравоохранения и деятельности в области ветеринарии и в сельском хозяйстве, и это требуется для населения всего мира. Стратегия «отказа от технологических достижений», возможность которой можно рассматривать в отношении ядерной энергии и производства ракет, в биологической сфере будет как негуманной, так и приводящей к обратным результатам.

В то же время важно избегать паникерства. Если примитивное биологическое устройство, предназначенное для террористических целей, может изготовить и умелый старшеклассник, разработка эффективного с военной точки зрения арсенала биологического оружия потребует определенных исследований в таких областях, как средства доставки, стабилизация агента, методы защиты, а также включения возможности биологического воздействия в военную доктрину в целом². Кроме того, политический резонанс биологической атаки в значительной степени снизит ее стратегическую ценность.

Оценки разведывательных служб, в соответствии с которыми число стран, обладающих арсеналом биологического оружия или пытающихся его приоб-

¹ L. A. Cole. The Specter of Biological Weapons. — Scientific American, December 1995.

² Эти препятствия подобны тем, с которыми сталкивается государство или движение, планирующее химическое нападение. Как было сказано недавно, «даже “Аум Синрикэ” в Японии, которая сознательно привлекала к своей работе высококвалифицированных специалистов, имела в своем активе около триллиона долларов США и проводила секретные полевые испытания до того, как осуществить атаку в токийском метро, была не в состоянии нанести технически сложный удар. Секта могла изготовить лишь элементарное химическое оружие, в котором использовался примитивный метод рассеивания». См. *Leslie Rodrigues. The Emerging Threat of Chembio Terrorism: is the U. S. Prepared?* — The Arena, № 6, November 1996, Washington, p. 2. С другой стороны, эффективное применение Ираком химического оружия при проведении боевых действий против Ирана в 80-х гг. развеяло все сомнения относительно того, сохранило ли химическое оружие свое военное значение в настоящее время.

рести, достигает 20, могут быть завышены. Не случайно, что публикации подобной информации или ее утечка зачастую имеют место при обсуждении бюджетов как самих разведывательных служб, так и программ биологической защиты. С точки зрения развивающихся стран, в относительно спокойных регионах мира, таких как Латинская Америка, во всех дебатах о биологическом оружии присутствует некий налет научной фантастики. Подобный подход грозит некоторой самоуспокоенностью.

А бдительность необходима. По мере того как достижения в области технологии делают биологическое оружие более эффективным, а способы его получения более легкими, вероятно, появится больше стимулов, с точки зрения военных, к созданию арсенала биологического оружия. Осуществлению режима биологического разоружения сейчас мешают юридические и политические табу, обусловленные отсутствием держав, которые объявили бы себя биологическими державами, нормы обычного права, которые запрещают использование химического и биологического оружия, единодушное осуждение международной общественностью использования биологического оружия, а также существование КБТО и Женевского протокола. Но данный режим может совсем развалиться, если даже одному из государств удастся использовать или открыто развернуть биологическое оружие и не понести за это никакого наказания — точно так же, как режим нераспространения ядерного оружия будет поставлен под вопрос при появлении шестой ядерной державы, объявившей себя таковой, или при возобновлении гонки ядерных вооружений.

Это приводит нас к выводу, абсолютно противоположному тезису 2. Сознают это развивающиеся страны или нет, эффективность КБТО в действительности очень важна для развивающихся стран. Это можно объяснить тремя причинами.

Первая — безопасность. Распад режима биологического разоружения способен привести к появлению наступательного биологического потенциала в тех регионах мира, где в настоящее время он отсутствует, что поставит под угрозу безопасность всех государств в этом регионе. Угроза применения оружия массового поражения — ядерного, химического или биологического, исходящая от одной из стран региона или извне, способна дестабилизировать стратегическую ситуацию¹. Она может вынудить другие государства разрабатывать дорогостоящие программы биологической защиты (не существующие в настоящее время или недостаточно эффективные в большинстве развивающихся стран по сравнению с рядом более богатых стран). Развивающиеся страны могут пойти дальше по опасному пути получения собственных биологических средств сдерживания, увеличивая тем самым риск их возможного использования. В этом

¹ В обращении к Конференции по разоружению посол Египта объяснил следующим образом тот факт, что его страна не ратифицировала КБТО и не подписала Конвенцию о химическом оружии 1993 г.: «Не может быть мира и безопасности при дисбалансе сил и серьезном неравенстве стран конкретного региона в отношении их прав и обязанностей, вытекающих из различных документов, регулирующих процесс разоружения». United Nations, «Note Verbale from the Permanent Mission of the Arab Republic of Egypt to the Secretariat of the Fourth Review Conference of the BWC, BWC/CONF.IV/8, Geneva, 1996, p. 2.

случае население развивающихся стран, где уровень здравоохранения, как правило, ниже, чем в промышленно развитых странах, окажется среди наиболее пострадавших.

Распространение биологического оружия представляет угрозу для развивающихся стран, даже если им обладают далекие от них великие державы. Разработка эффективных систем защиты от новейших видов биологического оружия, способных, например, нейтрализовать даже такие агенты, как вирус острого геморрагического конъюнктивита, является чрезвычайно трудным делом. К тому же сама природа биологической угрозы такова, что заболевание может распространиться не только на войска, на которое оно было нацелено, но и на гражданское население и другие страны¹.

Вторая причина — политическая. КБТО имеет большое политическое и символическое значение, являясь первым многосторонним документом, запрещающим целую категорию оружия массового поражения. Наряду с Конвенцией о химическом оружии 1993 г. она является моделью, которую неприсоединившиеся и другие развивающиеся страны хотели бы видеть примененной в ядерной области: всестороннее, недискриминационное, всеобщее запрещение разработки, производства, накопления, развертывания и использования всех видов оружия массового поражения. Даже если учесть, что проблемы безопасности разные по масштабу, неудача с КБТО может затормозить прогресс в других областях разоружения на неопределенное время.

Третьей и последней причиной является все возрастающая потребность в международном сотрудничестве в области борьбы с инфекционными заболеваниями, для которых не существует государственных границ. Патогенным агентам не нужны паспорта для пересечения границ, простота передвижения в современном мире и массовое перемещение товаров вынуждают перевести борьбу с болезнями на мировой уровень, чтобы сделать ее эффективной. Согласно Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), приоритетными направлениями деятельности для мирового сообщества, таким образом, должны стать ликвидация тех заболеваний, для лечения которых уже существуют вакцины и эффективные методы, борьба с вновь возвращающимися заболеваниями, что ставит новые вопросы в связи с резистентностью к лекарственным средствам, а также быстрое реагирование на вспышки новых заболеваний. ВОЗ настоятельно рекомендует осуществление глобальной программы наблюдения².

Необходимо отметить, что подобного рода сотрудничество отвечает потребностям всех государств, включая развитые страны, так как многие из проблем, которые надо решать, являются всеобщими — например, проблема неподдаю-

¹ Необходимо упомянуть здесь о версии, согласно которой эпидемия чумы, сократившая на треть население Европы в XIV в., явилась, вероятно, результатом умышленного распространения данной болезни в ходе биологической атаки, примененной татарами против генуэзцев во время блокады города Кафа в Крыму. См. SIPRI, *The Problem of Chemical and Biological Warfare*, Vol. I — *The Rise of CB Weapons*, SIPRI, Stockholm, 1971, p. 215. Возможность возникновения глобальной эпидемии в результате генетически усиленного агента является темой многих триллеров и дешевых романов, что, впрочем, не делает ее невозможной.

² World Health Organization, *The World Health Report 1996*, Geneva, 1996, pp. 110–111.

щегося излечению современными лекарственными препаратами туберкулеза или СПИДа. И наоборот, разрушение режима биологического разоружения и увеличение числа держав, обладающих биологическим оружием, может отрицательно сказаться на процессе передачи знаний и сделать невозможным осуществление совместных программ, необходимых для деятельности в мировом масштабе. Кроме того, в области здравоохранения беднейшие из развивающихся стран находятся в сравнительно большей зависимости от международного сотрудничества, и прекращение двусторонних и многосторонних процессов обмена опытом и знаниями явится для них более сильным ударом.

Помимо этого, согласно мандату Специальной группы, режим соблюдения КБТО должен включать меры, разработанные специально для имплементации статьи 10, посвященной международному сотрудничеству. Общее мнение все больше склоняется к тому, что такие меры должны повышать транспарентность и укреплять доверие, не дублируя при этом мероприятий, которые, например, предлагает Всемирная организация здравоохранения, но извлекая пользу от совместной деятельности¹.

Тезис 3. Режим контроля за соблюдением КБТО будет слишком дорогим и обременительным для развивающихся стран

Распространенным является мнение, хотя оно редко высказывается публично, что расходы и объем работы по имплементации режима соблюдения или контроля за соблюдением КБТО — с обязательными ежегодными декларациями, посещениями объектов, несколькими видами инспекций, необходимостью внесения изменений в законодательства — не окупаются, особенно для развивающихся стран. Сбор информации о биологическом производстве и подготовка к проверкам, в частности, считаются потенциально бессмысленным распылением и без того скудных людских ресурсов и финансовых средств, которые можно было бы использовать с большей пользой — например, для борьбы с малярией и заболеваниями новорожденных. Кроме того, затраты на создание и содержание возможной организации КБТО, которые будут разделены между всеми государствами-членами, окажутся отнюдь не малыми.

Данная оценка небезосновательна и справедлива в отношении и других механизмов в области разоружения и обеспечения нераспространения оружия. От развивающихся стран требуют увеличить размеры их взносов в международные организации, занимающиеся вопросами разоружения, в то время как средства, предназначенные для проектов, направленных на развитие, сокращаются, когда ведущие промышленные державы выходят из Организации ООН по промышленному развитию, когда те же самые державы призывают к сокращению бюджета ООН и средств, выделяемых на программы, фонды и организации, которые развивающиеся страны считают важными для себя, когда

¹ R. Monteleone-Neto, J. E. M. Felicio. Article X: International Cooperation and Development, Exchange of Equipment, Materials and Scientific and Technological Information. — G. Pearson, M. Dando (eds.), *op. cit.* (см. выше, сноска 1, с. 46), pp. 116–117.

в настроении определенных кругов в традиционных странах-донорах ощущается усталость и вообще стремление к экономии средств.

Запрет на проведение ядерных испытаний, например, был в целом благожелательно встречен развивающимися странами. Но вскоре выяснилось, что запрет на испытания имеет ценник с солидной суммой, платить которую должны не только те, кто непосредственно вовлечен в ядерные испытания, но и развивающиеся страны, которые никогда не проводили испытаний, никогда не участвовали в ядерных альянсах и которые, если и обладают ядерными мощностями, никогда не смогут их испытать из-за контроля со стороны МАГАТЭ, даже при условии отсутствия Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия. Некоторые недавние оценки затрат первых лет работы Подготовительной комиссии по организации Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия перекрывают суммы бюджета на 1997 г. пяти специализированных учреждений ООН, включая те, польза от деятельности которых для развивающихся стран более очевидна, например, Всемирная метеорологическая организация и Международная организация гражданской авиации¹.

То же самое относится и к Организации за запрещение химического оружия и к контролю за выполнением договора об окончательном прекращении производства расщепляющихся материалов. Рассмотрев вопрос о том, нужны ли им такие договоры, большинство развивающихся стран, вероятно, придут к выводу, что эти договоры тем не менее отвечают их интересам, устраняя необходимость принимать дорогостоящие меры по защите и сдерживанию. Как видно, развивающиеся страны учатся не тратить деньги в сфере обеспечения безопасности без пользы для себя, что может потребовать ограничения определенными рамками бюджета отдельных организаций, занимающихся вопросами разоружения.

Приведенные выше доводы против режима соблюдения были бы окончательными, если бы мы установили, что от КБТО мало пользы для развивающихся стран. Однако оказывается, что верно обратное: мир в целом и Юг в частности потеряли бы много в результате провала режима биологического разоружения. И все ощущают, что этот режим переживает тяжелые времена в результате как технологического развития, так и проблем, возникающих в связи с его осуществлением.

Все испытали чувство разочарования, когда 4-я Конференция по рассмотрению действия КБТО не смогла должным образом разобраться с двумя случаями возможного нарушения положений Конвенции, ставшими известными после 3-й Конференции. Один из них — иракское дело, рассмотренное выше. Второй — дело СССР. Это последнее привело к принятию, для исправления

¹ По предварительным оценкам, которые были сделаны до возобновления в марте 1997 г. работы первой сессии Подготовительной комиссии по созданию организации Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия, бюджет первых двух лет составляет 70–90 млн долларов США за год. Сравните эти цифры с бюджетами специализированных организаций ООН (United Nations, «Budgetary and Financial Situation of Organizations of the United Nations System», A/51/505/Corr. 1, New York, 1996, p. 2).

ситуации, в 1992 г. трех специальных документов: Указ Президента России об обеспечении выполнения международных обязательств в области биологического оружия; сделанное в рамках консультаций по статье 5 КБТО Совместное заявление по биологическому оружию Великобритании—России—США от 15 сентября 1992 г.; декларация, представленная Российской Федерацией в ООН в соответствии с мерами по укреплению доверия (форма F)¹.

В своем представлении 4-й Конференции по рассмотрению действия КБТО делегация США предложила следующую формулировку заключительного документа: «Конференция с озабоченностью отмечает, что выполнение некоторыми странами положений статьи 1 вызывает сомнение в отдельных конкретных случаях (...). Конференция также отмечает большое значение указа Президента Российской Федерации, принятого в апреле 1992 г., в котором указывается, что его страна выполнит взятые на себя обязательства по Конвенции. Конференция выражает надежду, что задачи, поставленные в данном указе, будут в скором времени решены»². Предложение США тем не менее принято не было.

По этому же вопросу делегация Великобритании информировала Конференцию о том, что «в соответствии с положениями статьи 5, Великобритания, а также другие страны-депозитарии (США и Российская Федерация) сделали в 1992 г. трехстороннее заявление по вопросам, связанным с несоблюдением Советским Союзом Конвенции»³. Однако в ходе Конференции был распространен документ с поправкой, в котором говорилось, что комментарий к статье 5 должен читаться следующим образом: «в соответствии с положениями статьи 5, Великобритания, а также другие страны-депозитарии (США и Российская Федерация) сделали в 1992 г. британско-российско-американское заявление по вопросам биологического оружия»⁴.

С другой стороны, в представлении Российской Федерации отмечалось, что «эффективный контроль за соблюдением в большой степени зависит от наличия объективных критериев, включая определение основных терминов, составление списков микробиологических и иных биологических агентов и токсинов и определение их пороговых величин. В связи с этим Конференция считает важным, чтобы Специальная группа продолжила работу над объективными критериями с целью включения их затем в юридически обязательный документ»⁵.

За неимением установленных процедур расследования фактов в случае, если существуют сомнения относительно соблюдения Конвенции, и при отсутствии международной организации, имеющей штат независимых инспекторов для осуществления этих процедур, развивающиеся страны никогда не смогут

¹ M. Dando. Article I: Scope. — G. Pearson, M. Dando (eds.), *op. cit.* (см. выше, сноска 1, с. 46).

² См. выше, сноска 3, с. 45.

³ United Nations, «Background Information Document on Compliance by States Parties with all their Obligations under the BWC», BWC/CONE.IV/3, Geneva, 1996, p. 31.

⁴ United Nations, «Background Information Document on Compliance by States Parties with all their Obligations under the BWC», BWC/CONE.IV/3/Corr. 2, Geneva, 1996.

⁵ См. выше, сноска 3, с. 45.

достоверно проверить все вопросы, связанные с соблюдением, так как у них нет современных средств для сбора информации. Только организация КБТО, в которой все государства-члены находились бы в равном положении, могла бы стать организацией, пользующейся необходимым доверием для того, чтобы установить соответствующие стандарты и добиться их соблюдения.

Если развивающиеся страны поддержат возможный режим соблюдения, они будут вправе настаивать на том, чтобы он не допускал никакой дискриминации, как того и потребовала Специальная группа¹. Как подчеркивалось на 4-й Конференции по рассмотрению действия Конвенции, «к фактам невыполнения необходимо подходить очень строго во всех случаях, без исключений или дискриминации»².

Это означает, что ни у одного из государств — членов КБТО, включая постоянных членов Совета Безопасности, не должно быть возможности оградить свои объекты, где производятся и разрабатываются биологические агенты и токсины, включая оборонные мощности, от проверок, проводимых в соответствии с режимами транспарентности и соблюдения Конвенции, которые могут включать посещения с целью проверки достоверности сообщаемой информации, инспекции по проверке выполнения положений Конвенции и расследование фактов предполагаемого использования агентов или предполагаемого их выброса в окружающую среду.

Эти требования являются необходимыми для выработки эффективного и надежного режима. Но согласуются ли они с требованием минимизации затрат? Все ли могут вынести груз финансовых и политических издержек, связанных с режимом соблюдения Конвенции, являющимся довольно интрузивным, так как мы хотим, чтобы он был надежным? Снижению затрат, возможно, будет способствовать осуществление принципа более свободного доступа (внеплановых проверок) при сведении к минимуму плановых инспекций или же полном отказе от них.

Например, в рамках этого режима необходимо рассмотреть вопрос о том, как отреагировать на вывод, сделанный недавно Кэтлином К. Бейли на основе инспекций, проводимых ООН в Ираке, в соответствии с которым «не желающий сотрудничать с органами, проводящими инспекцию, инспектируемый сумеет в какой-то степени добиться того, чтобы инспекция не достигла своих целей», и что особенно в области биологии «изначально существуют трудности в определении разницы между мирными и военными биологическими исследованиями»³. Готовы ли промышленно развитые страны к режиму, который по природе своей весьма интрузивный и затраты на обеспечение эффективности и надежности которого столь велики?

На такие вопросы должна ответить для себя каждая из стран — участниц КБТО, и в частности каждая из развивающихся стран, принимая участие в ра-

¹ См. выше, сноска 1, с. 47.

² См. выше, сноска 3, с. 45.

³ К. С. А. Bailey. *The UN Inspections in Iraq — Lesson for On-Site Verification*. Westview Press, Boulder, USA, 1995.

боте Специальной группы. Еще не определено, в какой форме будет действовать возможный режим соблюдения или контроля за соблюдением. И от развивающихся стран зависит сделать так, чтобы он отвечал как их собственным практическим интересам, так и интересам международного сообщества.
